

Каксин А. Д. Лингвокультурологический аспект интерпретации афористических выражений с зоокомпонентами 'собака' и 'лошадь' (на материале хантыйского и хакасского языков) / А. Д. Каксин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 44—58. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-44-58.

Kaksin, A. D. (2022). Linguistic and Cultural Aspect of Interpretation of Aphoristic Expressions with Zoocomponents 'Dog' and 'Horse' (Khanty and Khakass languages). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 44-58. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-44-58. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-44-58

Лингвокультурологический аспект интерпретации афористических выражений с зоокомпонентами 'собака' и 'лошадь' (на материале хантыйского и хакасского языков)

Каксин Андрей Данилович
orcid.org/0000-0001-9632-8286
доктор филологических наук,
Институт гуманитарных исследований
и саяно-алтайской тюркологии
adkaksin@yandex.ru

Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова
(Абакан, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-20099
при паритетной финансовой поддержке
Правительства Республики Хакасия

Linguistic and Cultural Aspect of Interpretation of Aphoristic Expressions with Zoocomponents 'Dog' and 'Horse' (Khanty and Khakass Languages)

Andrey D. Kaksin
orcid.org/0000-0001-9632-8286
Doctor of Philology,
Institute for Humanitarian Research
and Sayan-Altai Turkology
adkaksin@yandex.ru

Katanov Khakas State University
(Abakan, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant from
The Russian Science Foundation
№ 22-28-20099
with parity financial support
of the Government of the Republic
of Khakassia

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена одному из аспектов лингвистического обоснования связи языка и культуры: выявлению в тематических группах лексических единиц с потенциальным концептуальным значением, что позволяет им участвовать в создании идиом афористического характера (афоризмов, пословиц, поговорок). С позиций лингвистической типологии в лексико-семантической сфере рассмотрены слова, обозначающие собаку и лошадь, в хантыйском и хакасском языках. Эмпирическую базу исследования составили авторские записи разговорной речи ханты, словари хантыйского и хакасского языков, коллекция хантыйских загадок, сборник хакасских пословиц и поговорок. В результате исследования очерчен круг идиом (указанных языков), имеющих отчетливую когнитивную и ментальную, мировоззренческую основу. Используемые методы — метод типологической интерпретации лексического материала и описательный. При анализе семантики указанных слов особое внимание уделялось указанию на регулярные устойчивые словосочетания: именно сочетательные потенции являются основой для развития дальнейших коннотаций, логическим завершением чего является участие тех или иных слов в составе идиом. Установлено, что идиоматические конструкции с лексемами 'собака' и 'лошадь' характеризуют не столько этих животных, сколько образ жизни двух разных этносов, а также и человеческие качества представителей этих народов, проливают свет на их представления о жизни.

Ключевые слова:

функции языка; семантика; лингвистическая типология; этническая культура; хакасский язык; хантыйский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to one of the aspects of the linguistic substantiation of the connection between language and culture: the identification of lexical units with a potential conceptual meaning in thematic groups, which allows them to participate in the creation of aphoristic idioms (aphorisms, proverbs, sayings). From the standpoint of linguistic typology in the lexico-semantic sphere, the words denoting a dog and a horse in the Khanty and Khakass languages are considered. The empirical base of the study was the author's notes of the spoken language of the Khanty, dictionaries of the Khanty and Khakass languages, a collection of Khanty riddles, a collection of Khakass proverbs and sayings. As a result of the study, a circle of idioms (indicated languages) with a distinct cognitive and mental, worldview basis is outlined. The methods used are the method of typological interpretation of lexical material and descriptive. When analyzing the semantics of these words, special attention was paid to the indication of regular stable phrases: it is the associative potencies that are the basis for the development of further connotations, the logical conclusion of which is the participation of certain words in idioms. It has been established that idiomatic constructions with the lexemes 'dog' and 'horse' characterize not so much these animals as the way of life of two different ethnic groups, as well as the human qualities of the representatives of these peoples, shed light on their ideas about life.

Key words:

language functions; semantics; linguistic typology; ethnic culture; Khakass language; Khanty language.

Лингвокультурологический аспект интерпретации афористических выражений с зоокомпонентами ‘собака’ и ‘лошадь’ (на материале хантыйского и хакасского языков)

© Каксин А. Д., 2022

1. Введение = Introduction

Лингвистическое и философское обоснование связи этнической культуры и языка предполагает особый интерес к проблемам познания, отражения и преломления в лексике, грамматике, прагматике языка мировоззрения народа. В истории языкознания известно много концепций по данной проблематике, но особенно часто предметом споров, критики, а также дальнейшего развития становилась гипотеза Сепира-Уорфа (или гипотеза лингвистической относительности). В соответствии с нашими целями мы склонны отдать предпочтение тем работам, в которых усматриваются положительные моменты, связанные с данным направлением мыслей о языке [Корнилов, 2003, с. 78; Кронгауз, 2001, с. 107—110; Плунгян, 2000, с. 109; Черемисина, 2002, с. 42—46; Чесноков, 1977, с. 9—19].

Однако в данном случае речь может идти и о другом явлении (процессе): о разных путях (способах, приемах) развития языка вообще, развития и формального, и семантического, а философский подход к вопросу позволяет думать о диалектике процесса, о том, что развитие формы и содержания идет одновременно, где-то — в тесной связи, где-то — борьбе. Эти процессы развития можно наблюдать, обзревая языки в целом или рассматривая отдельные участки (фрагменты) системы. Имея в виду все языки, суть этого процесса (или движения) М. И. Черемисина сформулировала так: «С типологической точки зрения важны такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как “открытость” лексических единиц для семантической деривации, то есть для развития абстрактной и экспрессивной лексики не за счет аффиксального словообразования, а за счет многозначности» [Черемисина, 1992, с. 77].

Проблематика исследования находится на пересечении интересов лингвокультурологии (выявление национально-этнической специфики, которая отразилась и закрепилась в языке) и когнитивной лингвистики (выяснение роли языка в концептуализации и категоризации мира). В центре внимания — языковые явления, единицы и формы, ставшие сначала результатом познавательной деятельности этноса, а уже затем — получив-

шие дальнейшее смысловое развитие в рамках языка. Наша цель — выявить в хантыйском и хакасском языках несколько наиболее выразительных идиоматических выражений философского характера. Искомые идиомы должны быть настолько характерными и показательными, чтобы про них можно было сказать: в них, как в капле воды, отражается суть отношения всего народа к жизни.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для анализа под указанным углом зрения отобраны фразы с зоокомпонентами (прежде всего идиомы, в которых упоминаются собака и лошадь) в хантыйском и хакасском языках. Эмпирическую базу исследования составили записи разговорной речи ханты (сделанные в период 1985—2001 годов), диалектологический и этимологический словарь хантыйского языка Вольфганга Штейница и его коллектива (1966—1993), хакасско-русский академический словарь (2006), сборник хакасских пословиц, поговорок и загадок, коллекция хантыйских загадок. В результате исследования очерчен круг идиом (указанных языков), имеющих отчетливую когнитивную и ментальную, мировоззренческую основу. Используемые методы: метод типологической интерпретации лексического материала и описательный (описание семантики слов и идиом, выступающих в качестве типизированных и образных контекстов, в которых употребляются слова). Анализ семантики определенных слов (в исследуемых языках) проведен с использованием имеющихся словарей хантыйского и хакасского языков. При этом особое внимание уделялось указанию на сочетательные возможности этих слов: предположительно, именно они являются основой для развития дальнейших коннотаций, логическим завершением чего является участие тех или иных слов в составе идиом. Описание названных идиом осуществлено при широком толковании понятия «коннотация»: под ней понимается «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке» [Телия, 1990, с. 236].

С методологической точки зрения приняты к сведению многие работы по лексикологии и лексикографии отечественных лингвистов, и, в частности, статьи о базовом и прецедентном значениях лексемы [Падучева, 2000], семантико-мотивационной реконструкции идиомы [Леонтьева, 2017], особенных принципах цветообозначения в некоторых языках [Кошкарева, 2020]. С этой же целью использована монография шведского лингвиста Т. Содера (Torbjörn Söder), исследовавшего семантическое поле глаголов

движения в трех финно-угорских языках: хантыйском, саамском и венгерском. Особенно примечательны рассуждения этого автора о способах выявления семантики искомых глаголов, исходя из характера и направленности способа передвижения; привлекает внимание также описание места каждого глагола в общей структуре семантического поля [Söder, 2001, с. 37—38, 142—149].

Статья основывается на ряде значимых трудов общетеоретического характера, посвященных обоснованию связи языка и культуры; излагаются отдельные выводы и положения, сделанные авторами на материале конкретных языков. Актуализируется ряд работ по хантыйскому языку, выполненных в русле культурологического и когнитивистского подхода. Рассматриваются некоторые результаты изучения цветообозначений, в частности, положения о принципах цветообозначения в уральских языках (на примере хантыйского и ненецкого языков). Учтено то обстоятельство, что в рассматриваемых работах выявлены аспекты и результаты логико-семантического подхода к проблеме отношений между языком и культурой этноса, актуализированы семантические особенности многих языков, связанные с применением методологии когнитивного и типологического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантическое развитие языка: движущие силы, активные процессы

С самого начала становится понятно, что тема «слово и его смысл» включает в себе множество аспектов. Любой язык имеет достаточный набор средств (а это не только сами слова и словоформы, но и отношения между ними) для продуцирования бесконечного количества высказываний и текстов. Замечательно сформулировала мысль об этой разносторонности языка М. И. Черемисина: «Любой язык ставит нас перед необходимостью и одновременно дает нам возможность представлять континуум мироздания как дискретное множество разных вещей, которое поддается упорядочению при помощи системы идей, являющихся значениями слов» [Черемисина, 1998, с. 23].

В современных языках абсолютное большинство слов многозначно. Но в праязыках, очевидно, была противоположная ситуация. Весь процесс языкового развития представляется постепенным, все более расширяющимся движением к формальному и семантическому разнообразию. При этом в основе методологии этого развития лежит диалектическое сочетание двух главных способов: эффективного использования относительно небольшого по объему исходного звукового материала и придумывания новых формальных (а также и семантических) способов, расширения но-

менклатуры и знаменательных, и служебных элементов. Но феномен языка в том и заключается, что новых способов словопроизводства и выражения мысли не так много: развитие происходит за счет активного использования внутренних потенциальных возможностей (а они носят преимущественно семантический характер).

В широком смысле процесс языкового развития, эта своеобразная игра в слова, предполагает в основном расширение многозначности, использование потенциала лексической синонимии. В узком смысле к словесным играм относятся не только шарады, ребусы, скороговорки, но и специальные приемы в художественном творчестве: аллитерация, яркие тропы, табу, эвфемизмы, оксюморон, речевые пародии и т. п. В качестве примера можно привести и замечательное обыгрывание понятия (или представления) о “лошадиной фамилии” в известном рассказе А. П. Чехова.

Анализ семантической структуры ряда слов-концептов, функционально близких им слов, а также связанных с ними идиом (афоризмов, пословиц, поговорок, загадок) позволяет указать на некоторые типы концептуализации общих представлений об окружающем мире. Мир многообразен, потому и сфер, подлежащих осмыслению и укладыванию в формы языка, также достаточно много. В частности, М. И. Черемисина (со ссылкой на Б. Уорфа) очень точно сформулировала суть двух разных языковых проекций контаминации пространства и качества. «На интересную чисто семантическую особенность языков американских индейцев обратил внимание ... Б. Уорф: эти языки совершенно чужды той метафоризации, которая насквозь пронизывает европейские языки и ощущается их носителями как “природное свойство” человеческого сознания. Суть этого принципа — пространственное представление непространственных отношений. ... Американским индейцам совершенно чужд такой тип переносов» [Черемисина, 1992, с. 76]. В этом плане, к примеру, уральские языки схожи с языками американских индейцев: в них достаточно строго разграничиваются определения и предикаты временной и пространственной семантики. И можно назвать еще много языков, где просматривается та же стратегия — не смешивать время и пространство, детализировать их разными словами (и способами).

И далее М. И. Черемисина переходит к характеристике образности алтайских языков в части описания человека (людей) словами, обозначающими животных. Она отмечает, что в алтайских языках «не принята метафоризация образов животных ... Зато для этих языков характерен другой тип образности: специфические образные (но не метафорические!) и звукоподражательные слова» [Там же]. Зная об этом принципе формирования образной системы языка, мы и предполагаем, что упоминание животных

(и акцентирование их отличительных свойств, повадок) может быть лучшим способом создания сентенций философского характера, образных выражений о вечности, смысле жизни, ее непрерывности.

3.2. “Собаки отдохнули — обоз едет дальше”: о развитии семантики в хантыйском языке

На тему о непрерывности жизни можно привести одно яркое высказывание в хантыйском языке (оно встретилось в наших записях разговорной речи казымских ханты): *Ампен рутыцал — анас еллы мӓнл* ‘Собака отдохнула — обоз едет дальше’. Речь, конечно, о том, что вся жизнь ханты — это постоянное движение, но оно возможно, если давать отдохнуть собаке, которая всегда рядом (или многим собакам, если они в упряжке).

Вообще, в наших записях разговорной речи достаточно много выражений, свидетельствующих об особом отношении ханты к этому домашнему животному. К примеру, в этих записях часто встречается фраза *Амна мӓнтты версаллэ* ‘Сделал меня собакой’. В чем ее прагматический (выразительный) смысл, поначалу не очень понятно: кажется, сама номинация домашнего животного совершенно обычна, не содержит потаенных скрытых компонентов.

ämp (V Vj.; *impəm*), Sur. (Likr. Mj. Trj. J) *ämp* (Mj. Trj. J *impəm*), Irt. (DN KoP Kr. Ts. ua.) O *ämp*, Ni. Kaz. *amp*, Sy. Pit. *ap* (*amp-*) собака, Hund.

Trj. *ämp-äʔäl* usw. Hundeschlitten: s. 40. || Vj. *äm'-jom* usw. Beere eines Strauches: s. *jom*. || V Vj. *äm'-kat*, Trj. *äm'-kât* Hundehütte (s. *kat*). || Trj. *äm'-läʔäl* “Hundepfote” e. Ornament. || J *äm-mok*, Fil. KoP Ts. *äm-mox* junger Hund. || V Vj. *äm'-ñäləm*, KoP Kr. *ämp-ñätəm* полевой лук, Waldzwiebel (V); черемша, e. Pflanze vom Aussehen der Hundezunge, deren Wurzel gegessen wird (Vj.); селезенка, Milz (= *χόλχας*; KoP); e. “Fleischstück” vom Aussehen der Hundezunge auf dem Pansen, Milz? (Kr.) || Vj. *äm'-pōŋk* Eckzahn des Menschen. || Fil. Kr. *ämp-sōχ* Hundefell. || V *äm'-soyən*, Trj. *äm'-sāyən* Napf aus Birkenrinde zum Füttern des Hundes. || Trj. *äm'-turəp-wājəy* kleiner Schwan. || Kaz. *am'-wöl* variksenmarja (?), Krähenbeere (?): s. 64. || *ä.-, ä.-* in Pflanzennamen s. *jom*, *kek i*, Ts. *löxəŋ* (*), *ñäləm*, *päʔrənt*‘; in Monatsnamen: s. *tiləs*. — V Vj. *kuj-ä.*, Trj. *kuj-ä.*, DN *χoj-ä.*, Kr. Ts. *χuj-ä.* Hundemännchen. || KazSt. *līpi-a*. лайка длинношерстная. || Kaz. *melk-a*. gew. Pl., *išk-a*. испарение, im Frühling aus dem Eis und Schnee strahlende Kälte oder kalter Hauch, der am Morgen und Abend in der Sonne sichtbar wird; *melk-ämpət rampijəät* der kalte Hauch ist sichtbar. || V *niŋ-ä.*, Trj. *niŋ-ä.*, DN Ts. *neŋ-ä.*, Ahl.-Mskr. (Atl. Čem.) *nē-ämp* сука, Hündin. || Trj. *pečyän-ä.* собачка, Hahn des Gewehres. || KazSt. *sos-ämp* лайка короткошерстная. || DN *tworowoj ä.*, DT *dworowoj ä.* Hofhund.

V *ämpäl'i* dim. Hund.

Vj. *ämpəŋ* Adj.: *ä. ikər* Narte, vor die Hunde gespannt sind.

Ugr.: *wog. TJ ämp ... So ämp; ung. eb* [DEWOS, с. 101].

Данная словарная статья содержит только денотативную информацию: ничего лишнего, раскрывается прямое значение слова, объект номинации характеризуется достаточно полно, почти исчерпывающе. Однако внимательное прочтение словарной статьи позволяет заметить некоторые существенные детали, в том числе упоминание собачьей упряжки — одного из важных транспортных средств. И понятно, что при таком способе передвижения всю работу выполняет исключительно собака; человеку остается только сидеть и подгонять.

Получается, что собака для ханты — верный помощник, но в то же время — живое существо, беспрекословно подчиняющееся своему хозяину. Она должна только слушать и выполнять указания. Перенос этих свойств на человеческие взаимоотношения означает, что один человек становится слугой другого, превращается в безропотного исполнителя чужой воли. В этом смысл выражения *ампа верты*: ‘сделать (кого-либо) своим слугой’.

Но, если отрешиться от этой тягостной участи собаки, во всем остальном она представляется милым, добродушным существом, приносящим только радость, особенно детям. Поэтому наряду с фразой *сделать собакой* существуют в хантыйском языке и другие слова и выражения, типа *юнтты амп* ‘милое создание’ (букв. играющая собака), *лүң амп* ‘беззаботное существо’ (букв. летняя собака; связано с выражением о том, что летом собаки на охоту не ходят). Забавным представляется образ собаки и в хантыйских загадках. В них, как известно, шифруется представление о том или ином предмете (явлении), его ярких отличительных признаках, свойствах. В текстах загадок, как бы они ни были коротки, встречается множество изобразительных слов и выражений. При анализе загадок становится понятно, что любой язык имеет достаточный набор средств для воплощения множества вариаций на тему «как словами обрисовать тот или иной предмет, описать то или иное явление». Другими словами, загадка представляет собой символическое и образное описание в целом знакомого предмета (явления) окружающего мира. В хантыйских загадках собака изображается путем сопоставления со свернувшимся клубком и стулом (или столиком):

Ил ул лэри сых, пуны сых калась. Нух лоль нял курти волас ‘Ляжет — связка веревки или калач, встанет — стул с четырьмя ножками’; *Ил ул — калась, нух кил — нял курти волас* ‘Ляжет — калач, встанет — стол с четырьмя ножками’ [МР, с. 1, 8].

Тесное взаимодействие собаки и человека интерпретируется в ряде афористических выражений на тему спокойствия в окружающем мире, веры человека в благополучие жизни: *Рүваң сүсн амп ши хәннэхойл тайлалэ* ‘В хорошую осень хозяина собака содержит’, *Отни хәннэхө эвалт амп*

цит айнт хунтал ‘От хорошего хозяина собака не убежит’, *Ром ясаңа амн на амтатлял* ‘Доброму слову улыбнется и собака’, *Амплам тата – нумсэм хува ци пунлэм* ‘Собаки рядом — смело смотрю вперед’, *Рүтйицум амнат харица анас таллат* ‘Отдохнувшие собаки резво идут в упряжке’.

Иное отношение у хантов к лошади, и во многом оно также объясняется условиями жизни и хозяйствования. Само слово, конечно, пришло из глубокой древности, из периода угорской общности (почти так же, как в хантыйском, звучит это слово в мансийском и венгерском языках). Названная общность проживала, предположительно, на южных отрогах Уральских гор, и, разумеется, люди той эпохи ездили верхом на лошадях. Перейдя на север Западной Сибири, ханты постепенно утратили навыки обращения с этим животным. Современные ханты пользуются лошадьми очень редко, в частности, используют их только в качестве тягловой силы. Красноречиво свидетельствует об этом появление в верхних строчках словарной статьи «лошадь» лексической единицы со значением ‘хомут’:

лoγ (V Vj.), VK *лoγ*, Vart. *лoγ*, Likr. *ḡäγ*, Mj. Trj. *лäγ*, J *lāw*, Irt. (DN KoP Kr. Ts. ua.) *tāw*, Ni. Š *tow*, Kaz. *low*, Sy. *low*, O *law* лошадь, Pferd. — DN Ts. *tāw oxtənə* zu Pferde.

DN DT Kam. KoP Kr. *tāw-üš*, Kr. auch *-üč* хомут (DN DT KoP); Pferdegeschirr (Kam. Kr.). || KoP *tāw-χot*, Kaz. *low-χot* Ahl. *lou-xōt*, J *lāw-täjtə-kat* Pferdestall. || V Vj. *лoγ-mok*, Trj. *л.-mok*, J *л.-mok* Fohlen. || Vj. *лoγ-mes*, Kaz. *low-miš*, Ahl. *lou-mis* Vieh. || Kr. *tāw-säχər* Vieh. || KoP *tāw-tonχ-ikə* “Pferde-Geist-Alter”, Dorfschutzgeist in Каменские ю. — Ahl. *šaš-lou* Pferd zum Reiten. || Kaz. *jeγ* ‘-low weißes Pferd. || DN *χoj-tāw* Hengst; KoP Kr. *χuj-tāw* Wallach. || V *kar-лoγ* usw. Hengst: s. 535. || V *kowti-лoγ* Wallach. || V Vj. *niη-лoγ*, Trj. *niη-лäγ*, Irt. (DN Kr. ua.) *neη-tāw*, Kaz. *ne-low*, Ahl. *ne-lou* Stute. || DN *welə tāw* usw. Reitpferd: s. *wäləγ*.

Vj. *ləkəγ*: l. *ikər* Pferdeschlitten. Š *towəη pänt* Winterweg für Pferde. Ahl. *louiη-jux* Bock (Gestell).

Ugr.: wog. TJ-Č *лō* (= *low*) ... So *luw*; ung. *ló* (MSzFE). || ostj. > waldnenz. Lj. Nj. Ni. P *lāß* (Leht., Wb. 221) [DEWOS, c. 730].

Но отголосок восхищения сильным и благородным животным остался в хантыйском языке, в устном народном творчестве. Образ лошади положен в основу некоторых загадок [MP, с. 1, 10].

Именно из фольклора — выражение *Сорненг тов* ‘Золотой конь’, и это наименование, как оказывается, вполне применимо к подвесному лодочному мотору (или лодке с таким мотором): *Тармыт хут ветпыса тупны янгхта. Хунтты ханты монсиитны сорненг маркыг тов отынгны потыр маныс. Интам там сорненг маркыг тов мунг ёштувны. Там тув, ма тынынг, сорненг ай товем* [СТ, с. 35] ‘Хватит уже ездить за рыбой на веслах.

Когда-то у ханты были легенды о коне с золотыми крыльями. Теперь этот золотой конь у нас в руках. Вот он [поглаживая мотор] — мой дорогой, золотой маленький конь’.

3.3. «Конь сдох — седло остаётся»: об афористичности в хакасском языке

Материал хакасского языка наводит на несколько иное понимание качеств собаки (особенно тех, которые, на взгляд человека, созвучны его собственным качествам). Следствием этого является и соответствующее обыгрывание слова со значением ‘собака’ в афоризмах, пословицах, поговорках и загадках. Уже первое лексикографическое истолкование слова дает достаточно полное представление о том, как воспринимается собака в коллективном сознании хакасов, с чем ассоциируется ее образ. Если исходить из правила, что такого рода знание закрепляется прежде всего в устойчивых словосочетаниях и выражениях, обнаруживается, что в хакасском языке от ‘собаки’ легче всего перейти к эвфемизму *волк* (букв. собака степи, поля), словосочетанию со значением *страшный* (букв. собачий облик) и далее — к ругательствам с негативной оценкой:

АДАЙ собака // собачий; пёс // псиный; *хара адай* чёрная собака; *аңначаң адай* охотничья собака; *іргек адай* кобель; *күчүгес адай* щенок; *тізі адай* сука; *адай иді* собачатина; *адай теерізі* собачья шкура; *адай чызы* собачий запах; / *адай агазы бот.* бузина; *адай ітіскені* крапивница (болезнь); *адай палых зоол.* широколобка (чёртомаз); *адай тігенегі бот.* ковыль; *адай ызыргазы бот.* жимолость; ... *чазы адайы эвф.* волк; ♦ *адай сырай* страшный; *адай табан* бран. собачье отродье; *адай чарымы* подлец; *адай чүрек* злой, жестокий (о человеке) [ХРС, с. 30].

В хакасских афоризмах, пословицах и поговорках, упоминающих собаку, также в основном подчеркивается недобрый характер этого животного:

Чахсы азыраан адай ээзіне удур үрче ‘Сытая собака на хозяина лает’; *Адай осхас хапхычыл* ‘Кусачий, как собака’; *Сүт іскен адай чілі чымыйба* ‘Нашкодил, как молоко слакавшая собака’ [ХС, с. 131, 137—138].

Адай улза, чахсаа пола чоғыл ‘Собака воет — не к добру’; *Адай үрче — чил хаапча* ‘Собака лает — ветер носит’ [ХРС, с. 30].

Махачы кізіні чылан даа сахпачаң, хортых кізіні адай даа тутхлачаң ‘Храброго и змея не жалит, трусливого и собака кусает’; *Чабал адай пагда одырча, чабал кізі харибде одырча* ‘Злая собака сидит на цепи, злой человек в тюрьме’; *Чабал кізі чагадаң хабадыр, чабал адай соонаң хабадыр* ‘Злой человек хватается за ворот, злая собака хватается сзади’; *Мал олзе, адай симіс, кізі агырза, хам симіс* ‘Скот сдохнет, собака сытая, человек заболит, шаману нажива’ [ХС, с. 61, 98, 102].

Совершенно очевидно, что такое восприятие собаки объясняется образом жизни хакасов: они преимущественно скотоводы и при этом обходятся без собак (которым только скармливают павший скот). Лишь немного хакасы занимаются охотой, и в этом деле собака, конечно, незаменима: *Аңчының артың аргызы — адай* ‘Собака — лучший друг охотника’ [Там же, с. 60].

В хантыйском языке загадок про лошадь очень мало (к примеру, в изученном нами перечне их вовсе не оказалось). В хакасском языке, напротив, загадок про лошадь очень много, причем есть загадки и про отдельные части тела и явления, связанные с этим животным: *Прай нимее кирек (ат)* ‘В будни и в праздник она людям бывает нужна (лошадь)’; *Суга кірзе — чібібес, сугдаң сыхса — хахсабас (ат туйгагы)* ‘Они не размокли, хоть были дороги мокры, они не рассохлись, хоть трескалась степь от жары (конские копыта)’; *Төрт харындастың сагалы тискер (ат туйгагы)* ‘У четверых братьев бороды наоборот (конские копыта)’; *Табан табызы тазылапча, тан чілі хоолапча (ат табаны)* ‘Стук копыт раздается, от ветра шум несется (конский топот)’ [Там же, с. 158—159].

Слово *ат* ‘лошадь’ является безусловным концептом в хакасском языке. В семантическое поле, задаваемое этим словом-концептом, даже при неглубоком погружении в детали, входит около 200 слов и устойчивых словосочетаний [ХРРХТС, с. 95—105]. Со словом *ат* ‘лошадь’ и его производными в хакасском языке создано огромное количество фразеологических оборотов и других идиом, в которых животное представлено с самых разных сторон; даже на человеческую леность может быть указано с привлечением образа лошади [Чертыкова, 2019, с. 79—81; 2021, с. 87].

Пословицы и поговорки, в которых упоминается лошадь (а также сопутствующие предметы и явления), в полной мере отражают мировоззрение хакаского этноса, вся жизнь которого основывалась на взаимодействии с этим животным: *Атха мўнгенче, азагың тепкленме погов. соотв. рус.* не говори гоп, пока не перепрыгнешь (букв. не дрыгай ногами, пока не сел на коня) [ХРС, с. 85]; *Чазага чаг пол, аттыга аргыс пол* ‘Пешему будь помощником, едущему на лошади — товарищем’; *Ат — ирнің ханады* ‘Конь для мужчины — крылья’; *Ат чахсыда, чол хысха* ‘Если конь хорош, и путь короток’; *Аттың кўзі чолда* ‘Сила коня познается в пути’ [ХС, с. 10—11].

Пожалуй, одним из самых значимых в хакасском языке является афоризм о непрерывности жизни, о том, что ничто не исчезает бесследно, и это утверждение также основано на образе коня (а также предмета, необходимо связанного с ним). Особенно обращает на себя внимание краткость и емкость данного афоризма: *ат өлзе, изері халар* ... ‘ничто не исчезает бесследно’ (букв. если подыхает конь, остается седло) [ХРС, с. 85].

Таким образом, отношения между языком и мировоззрением основываются на процессуальном характере познавательной способности, на формировании в сознании концептов, которые разворачиваются в языке, в структуре грамматических категорий и словарного состава. Языковые явления, единицы и формы как результат познавательной деятельности этноса составляют его лексикон, набор парадигм и сеть моделей. В живом общении, в динамике эти парадигматические структуры переходят в синтагматические структуры, в интонационно оформленные звуковые цепочки.

4. Заключение = Conclusions

В любом языке с течением времени вырабатывается механизм, способствующий адекватному употреблению лексемы в высказываниях общего (или идиоматического, или афористического) характера. В этом плане пословицы и поговорки прежде других высказываний описываются как набор лексем (но в высказывании — синтаксически организованных), с помощью которых конституируются те или иные жизненные явления (факты, советы, правила), формулируются общие истины. Верно и другое: в любом языке отдельные слова, в том числе — сугубо номинативные единицы, обладают разнообразием сочетательных возможностей: они могут становиться словами-концептами, а могут использоваться в качестве ядерных элементов идиоматических, концептуальных высказываний.

Формально-семантическое варьирование слов позволяет развиваться языку, способствует продуцированию бесконечного количества высказываний и текстов. Значительный семантический потенциал слова позволяет ему участвовать в разных высказываниях, но каждый раз — в выражении определенной мысли. Так, название животного становится концептуальной единицей в том случае, если данное животное в глазах человека наделено некими свойствами, достаточно важными и значимыми, чтобы переносить их на человека.

Анализ материала хантыйского и хакасского языков показывает, что из большого числа представителей фауны в афористических выражениях упоминаются прежде всего домашние животные: они всегда перед глазами, они включены в материальное хозяйствование, в повседневную жизнь человека. Но различие между народами (и языками) наблюдается и в этом случае. Ярким примером служат высказывания о вечности, смысле жизни, ее непрерывности: для их создания выбираются разные животные (и предметы, связанные с ними). В хакасском языке, как и в других тюркских языках, для этой цели используются слова со значениями 'конь' и 'седло', а в хантыйском языке — слова со значениями 'собака' и 'упряжка'.

Источники и принятые сокращения

1. МР — *Методические* рекомендации по использованию хантыйских загадок / Е. А. Немысова. — Ханты-Мансийск, 1990. — 18 с.
2. РХТС — *Русско-хантыйский* тематический словарь : Казымский диалект / С. П. Кононова. — Санкт-Петербург : Просвещение, 2002. — 216 с. — ISBN 5-09-005246-8.
3. СТ — *Лазарев Г. Д.* Сорненг тов. Рассказ на языке ханты / Г. Д. Лазарев. — Ханты-Мансийск, 1999. — 36 с.
4. ХРРХТС — *Каксин А. Д.* Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна») / А. Д. Каксин, М. Д. Чертыкова. — Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2020. — 224 с. — ISBN 978-5-7810-1938-0.
5. ХРС — *Хакасско-русский* словарь (около 22 тыс. слов) / под общ. ред. О. В. Субраковой / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. — Новосибирск : Наука, 2006. — 1114 с. — ISBN 5-02-030503-0.
6. ХС — *Хыйга сӧс* / Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки. 4-е изд., доп. / Хакасский НИИ языка, литературы и истории. — Абакан : Хакасское книжное издательство им. В. М. Таросова, 2021. — 188 с.
7. DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache / W. Steinitz. — Berlin : [b. i.], 1966—1993. — 2019 s.

Литература

1. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. — Москва : ЧеРо, 2003. — 349 с. — ISBN 5-88711-181-X.
2. *Кошкарева Н. Б.* Цветообозначения в уральских языках Сибири : цвет или свет, прилагательные или глаголы? / Н. Б. Кошкарева // Критика и семиотика. — 2020. — № 2. — С. 152—166. — DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-152-166.
3. *Кронгауз М. А.* Семантика : Учебник для вузов / М. А. Кронгауз. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. — 399 с. — ISBN 5-7281-0344-8.
4. *Леонтьева Т. В.* Идиома собаку съесть : семантико-мотивационная реконструкция / Т. В. Леонтьева // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 422. — С. 17—25. — DOI: 10.17223/15617793/422/3.
5. *Основы финно-угорского языкознания.* Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. — Москва : Наука, 1974. — 484 с.
6. *Падучева Е. В.* Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексемы / Е. В. Падучева // Логический анализ языка : Языки этики / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 149—166. — ISBN 5-7859-0156-0.
7. *Плунгян В. А.* Общая морфология : Введение в проблематику / В. А. Плунгян. — Москва : Эдиториал УРСС, 2000. — 384 с. — ISBN 5-8360-0142-1.
8. *Телия В. Н.* Коннотация / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 236. — ISBN 5-85270-031-2.
9. *Черемисина М. И.* Язык и его отражение в науке о языке / М. И. Черемисина. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2002. — 254 с.

10. Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири : Учебное пособие / М. И. Черемисина. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 1992. — 92 с. — ISBN 5-94356-391-1.
11. Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики / М. И. Черемисина. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 1998. — 128 с.
12. Чертыкова М. Д. Образ трудолюбивого / ленивого человека в хакасской пословичной картине мира / М. Д. Чертыкова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2021. — № 2 (32). — С. 79—92. — DOI: 10.23951/2307-6119-2021-2-79-92.
13. Чертыкова М. Д. Пословичная концептуализация общетюркской зоолексемы ат «лошадь» (на материале хакасского языка) / М. Д. Чертыкова // Языки и фольклор коренных народов Сибири. — 2019. — № 2 (38). — С. 78—84. — DOI: 10.25205/2312-6337-2019-2-78-84.
14. Чесноков П. В. Неогумбольдтианство / П. В. Чесноков // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. — Москва : Наука, 1977. — С. 7—62.
15. Söder T. “Walk This Way” : Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages / T. Söder. — Uppsala : Acta Universitatis Upsaliensis, 2001. — 154 pp.

Material resources

- Hyuga ss / Wise Word. *Khakass proverbs, sayings and riddles. 4th ed., supplement* / Khakass Research Institute of Language, Literature and History. (2021). Abakan: V. M. Torosov Khakass Book Publishing House. 188 p. (In Russ.).
- Kaksin, A. D., Chertykova, M. D. (2020). *Russian-Khakass thematic dictionary (sections “Man”, “Flora and fauna”)*. Abakan: Publishing House of N. F. Katanov Khakass State University. 224 p. ISBN 978-5-7810-1938-0. (In Russ.).
- Khakass-Khakass-Russian Dictionary (about 22 thousand words)*. (2006). Novosibirsk: Nauka. 1114 p. ISBN 5-02-030503-0. (In Russ.).
- Lazarev, G. D. (1999). *Sorneng tov. A story in the Khanty language*. Khanty-Mansiysk. 36 p. (In Russ.).
- Methodological recommendations on the use of Khanty riddles*. (1990). Khanty-Mansiysk. 18 p. (In Russ.).
- Russian-Khanty thematic dictionary: Kazym dialect*. (2002). St. Petersburg: Prosveshchenie. 216 p. ISBN 5-09-005246-8. (In Russ.).
- Steinitz, W. (1966—1993). *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: [b. i.]. 2019 s. (In Germ.).

References

- Chesnokov, P. V. (1977). Neogumboldtianism. In: *Philosophical foundations of foreign trends in linguistics*. Moscow: Nauka. 7—62. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (1992). *Languages of the indigenous peoples of Siberia: A textbook*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 92 p. ISBN 5-94356-391-1. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (1998). *Language as a phenomenon of reality and an object of linguistics*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 128 p. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I. (2002). *Language and its reflection in the science of language*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 254 p. (In Russ.).

- Chertykova, M. D. (2019). Proverbial conceptualization of the common Turkic zoolexeme at “horse” (based on the material of the Khakass language). *Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia*, 2 (38): 78—84. DOI: 10.25205/2312-6337-2019-2-78-84. (In Russ.).
- Chertykova, M. D. (2021). The image of a hardworking / lazy person in the Khakass proverbial picture of the world. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, 2 (32): 79—92. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-2-79-92. (In Russ.).
- Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Questions of origin and development of Finno-Ugric languages*. (1974). Moscow: Nauka. 484 p. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (2017). The idiom to eat a dog: semantic and motivational reconstruction. *Bulletin of Tomsk State University*, 422: 17—25. DOI: 10.17223/15617793/422/3. (In Russ.).
- Kornilov, O. A. (2003). *Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities*. Moscow: Chero. 349 p. ISBN 5-88711-181-X. (In Russ.).
- Koshkareva, N. B. (2020). Color designations in the Uralic languages of Siberia: color or light, adjectives or verbs? *Criticism and semiotics*, 2: 152—166. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-152-166. (In Russ.).
- Krongauz, M. A. (2001). *Semantics: Textbook for universities*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 399 p. ISBN 5-7281-0344-8. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2000). Semantics of guilt and shifting accents in the interpretation of the lexeme. In: *Logical analysis of language: Languages of ethics*. Moscow: Languages of Russian Culture. 149—166. ISBN 5-7859-0156-0. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2000). *General morphology: An Introduction to problems*. Moscow: Editorial URSS. 384 p. ISBN 5-8360-0142-1. (In Russ.).
- Söder, T. (2001). “Walk This Way”: *Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis. 154 pp.
- Telia, V. N. (1990). Connotation. In: *Linguistic encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 236. ISBN 5-85270-031-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.05.2022,
одобрена после рецензирования 12.07.2022,
подготовлена к публикации 23.09.2022.